

ОТКРЫТЬ АМЕРИКУ

И по вышеписанному определению управились мы в намеченней путь свой. И июля 15 числа сего 1741 году получили землю, котою признаваем без сомнения, что оная часть Америки, понеже по картам издания норимбергского географа Иоанна Баптиста Гоммана...

Капитан Алексей Ильич Чирков вышел на палубу в полдень. Взору его представилась знакомая до боли картина. Пакетбот «Святой Павел» ритмично раскачивался на тяжёлой тихоокеанской волне. Крепкий риф-марсельевый ветер со шквалами тую надувал гротсель, формарсель и грот-марсель, спущенный на эзельгофт. Вахтенный офицер, молодой, но весьма в науке морской искусный штурман Дементьев, удобно устроившись в лангботе, с мечтательным выражением лица писал кому-то письмо. Рулевой, боцман Сидор Савельев, вызвавшийся порулить своевольно, во всю глотку орал неслышную за ветром, но явно непристойную песню, дёргая штурвалом ей в такт и сверяя курс с левым компасом вместо правого. Вперёдсмотрящий Михайла Ложников меньшой, страдавший морской болезнью, сосредоточенно кормил рыбок, свесившись с отчётливо выдвинутого бушприта, и вперёд отнюдь не смотрел. Около судна много летало уток разных родов.

Все эти бытовые подробности капитан отметил лишь краем своего тренированного сознания. Его пристальное внимание привлекли не они. Совсем не они...

...А неумолимо надвигающийся с норда, ощетинившийся рифами американский берег, до коего оставалось уже с полмили, не более, понеже были хорошо видны все наружные каменя и играющий на них бурун. Реакция опытного морехода была мгновенной.

– Яп-понский остров! Боцман – стеньгу тебе в брашпиль! – сказал капитан и грязно выругался. – Ты куды рулишь, бестолочь?! Лево руля! Курс вест-зюйд-вест по правому компасу. По правому, тебе говорят, сено-солома деревенская! (Разговорная речь в ту пору была с литературною несходна.)

Пока пакетбот, скрипя всеми переборками, натужно совершал немыслимый манёвр, чудом не свалившийся со своего насеста меньшой Ложников очумело зыркал по окрестным волнам и скоро был вознаграждён за труды.

– Э! Это самое! Там же, прямо по курсу... Отпрыдыш!! – истошно завопил вперёдсмотрящий.

– Право руля! – не растерялся капитан. – Курс норд-вест-тень-норд и четверть к весту по пра... А, ладно, боцман, хоть по какому-нибудь компасу.

– Слева по борту – отпрыдыш! – ломая руки, стонал вперёдсмотрящий.

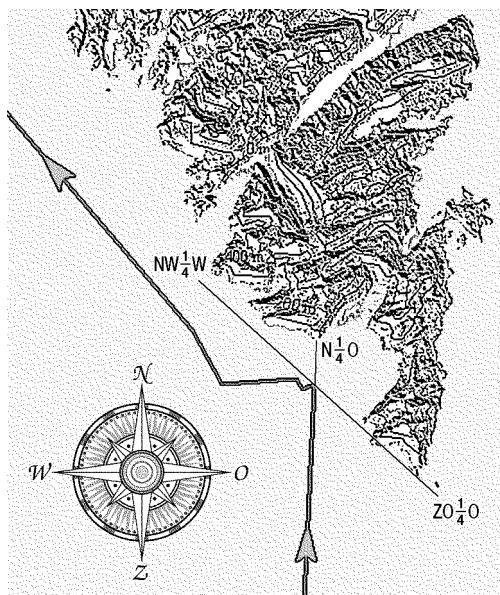
– Справа по борту – отпрыдыш! – вторил ему вмиг охладевший к писательству штурман.

– Дагликс вам в глотку, всем заткнуться! Прорвёмся! – гаркнул капитан, не отрываясь от своего занятия.

А занимался он непростым, но совершенно необходимым для всякого первооткрывателя делом – он брал пеленги на приметные ориентиры свежеоткрытой земли, поднося к

правому глазу свой личный, безупречно правый компас и используя в качестве визира ребро ладони.

— Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие, — прошипел рулевому штурман, незаметно, но увесисто сунув локоть ему в бок...

Во окончании сих суток капитан Чириков сидел в своей каюте, заполняя судовой журнал. Перед ним понуро переминался с ноги на ногу штурман Дементьев.

— Вы бы, Алексей Ильич, в журнале-то... Того... Меня же уволят напрочь из рядов-то... Это в лучшем случае.

— Вами, флотский мастер, я сегодня не весьма доволен. Завтра пустим бот на берег с разведкою, с ним, батенька, и поедете. Американцев развлекать. А в журнале... В журнале мы запишем так:

«В 12 часов увидели в тумане...»

— Дементьев, был же туман?

— Всеконечно, Алексей Ильич! Боцман-то курил, каналья, и был с того великий туман!

«...В тумане, значит, увидели землю гористую, которая простиралась $NW \frac{1}{4} W$ и $ZO \frac{1}{4} O$, которой мы шли... н-да-сс... шли в параллель, а увидели оную на норд и четверть к осту, расстоянием...»

— Ну, Дементьев, каким расстоянием?

— Не... не могу знать, господин капитан!

«...Расстоянием... э-э-э... не больше трёх миль.»

— Вот. И пусть кто-то попробует сказать, что было больше...

– ...На котором боту, призвав бога в помощь, ехать на берег и чинить следующее...

Десять служителей в тяжёлой боевой амуниции хмуро потели у борта по стойке «смирно», слушая напутственную речь капитана. Только канонир первой статьи Григорий Зубов смирино стоять не мог, ибо сгибался под тяжестью навьюченной на него медной пушки.

– ...И ежели жителей увидите, то являть к ним приятность... Приятность! – острый капитанский палец упёрся штурману Дементьеву в грудь. – И дарить подарками небольшими, чего ради извольте принять от прaporщика Чоглокова один котёл медной, один котёл железной, 200 корольков, три бакчи шару, один тюнь китайки, одну пятиланную камку, пять гомз и бумашку игол...

«О, боже!» – мысленно закатил глаза штурман. – «Неужели ещё и бумашку игол?»

– ...И во всем поступать как верному и доброму слуге Ея Императорского Величества. Всё. С богом, ступайте!

«Поехали!» – облегчённо бормотали служители, активно налегая на вёсла. «Святой Павел» постепенно таял за кормой, зато впереди всё яснее вырисовывались каменистые берега бухты Таканис.

Вабо-Гиниу – Белый Орёл – угрюмо взирал из прибрежных кустов на приближающуюся ораву, терзаемый самыми дурными предчувствиями...

– Ну, за прибытие! – провозгласил штурман своему отряду.

Они привольно расположились под дремучими соснами на уютной прибрежной полянке. Над огромным костром жарился на вертеле подстреленный по дороге дюгонь. В оловянных кружках аппетитно плескалось содержимое того небольшого бочонка, что был загодя передислоцирован из кантёрки в кубрик через специально проделанный небольшой лючок, не предусмотренный конструкцией судна.

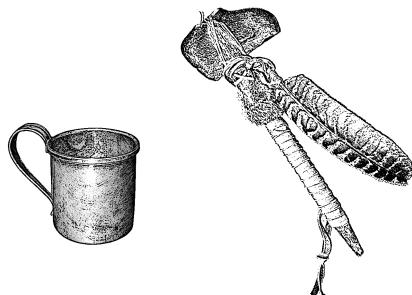
Идиллия была внезапно потревожена появлением на сцене двух десятков полуголых краснокожих людей с шевелюрами, густо утыканными маховыми перьями разнообразных представителей семейства ястребиных.

– Онэвэ кинэбик бэм-вава погок томагаук! – оповестил разведчиков самый оперённый, одной рукой размахивая каменным топором, другой – выбивая из своей груди угрожающий ритм боевого тамтама.

– Уважаемые американцы! – ответствовал командир разведотряда. – Не угодно ли вам будет принять эти скромные подарки, приготовленные для вас самым главным вождём великой Российской державы? – и разложил перед ними на пеньке пригоршню корольков, две гомзы и целую, непочатую пятиланную камку. Но пероносец только гневно взмахнул топором и отправил царские дары красивым веером разлетаться по кустам бересклета.

— Видит бог, я тебя понимаю, — сочувственно кивнул штурман и широким жестом протянул американцу свою кружку.

Топор взметнулся вновь... но бессильно завис на полдороге, ибо чуткий нос обитателя леса уже уловил незнакомый, но непреодолимо притягательный аромат...

Пару склянок спустя ситуация на поляне вновь приобрела идиллический характер. Совместными усилиями гостей и хозяев, бочонок уже показал дно, а дюгонь — большую часть своего скелета. Всюду валялись перья. Американцы большей частью заняли стационарно горизонтальное положение, но некоторые ещё продолжали ползать по окрестным кустам. Только пернатый метатель корольков сохранил способность к прямоходежению, хотя пользовался ею уже с большим трудом.

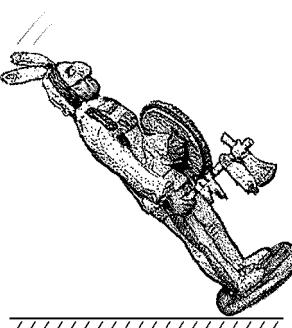
— Тебя как звать-то? — обратился к нему штурман.
— Чи анишинабэ Вабо-Гиниу тлинкити мише-огима!
— Панов! — позвал штурман толмача экспедиции. — Что он говорит-то?
— Нисиво ни панимаю, — развёл руками камчадал.
— Надо ему ещё стакан накатить! — высказал кто-то дальную мысль, каковая и была незамедлительно воплощена в жизнь.

— Май нэйм из Уайт Игл.
— Не. Нисиво ни панимаю.
— Ещё стакан!
— Меня зовут Бельй Орюол. Йа ест великий вождь тлинкитов.

— Во! Заработало! Настроили прибор! — в полном восторге наперебой заорали доблестные разведчики новых земель.

— Отлично, — ухмыльнулся командир, — а теперь, великий вождь этих, как его... Короче, веди-ка нас в свою столицу.

Однако, немедленному осуществлению этого плана помешали законы природы: алкогольные пары в организме вождя достигли наконец того внутреннего устройства, что отвечает за связи с общественностью, заставив его обладателя выполнить красавое сценическое падение, произшедшее на мягкой лесной подстилке удивительно много шума.

– Ой, лепота-а-а! – протянул Михайла Ложников меньшой, восхищённо разглядывая живописное горное озерцо с рядами вигвамов на восточном берегу. На окрестных сопках, меж высоких елей, то и дело мелькали упитанные тушки оленей-карибу, вполне досягаемые для выстрела. Из воды высовывали мордочки любопытные лососи.

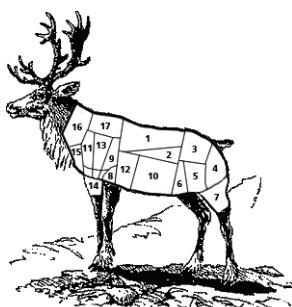
– Лепота! – согласно закивали разведчики, многозначительно переглядываясь... пересмигиваясь...

...И наконец в едином порыве наставили все свои десять стволов на Дементьева.

– С мачты рухнули? – поинтересовался штурман.

– Ты уж извиняй, ваш бродь, – отозвался квартирмейстер Пётр Татилов, – а токмо мы с мужиками промеж себя так решили, чтоб на судне нам боле не бывать. Червивая солонина, цинга, сам понимаешь. А тут...

– А-га-га-га! – неожиданно заржал флотский мастер. – Анархисты-конспираторы, верпом вам по лбу! Да я ещё третьегодни стал примечать, как вы с хмурыми рожами толчёtes за переборкою, ровно тараканы. Как понял всё, так и решил ехать на берег с вами. Думаете, мне жизнь – сахар? Думаете, прогнившее царское правительство по достоинству оценит мою тонкую артистичную натуру? Шиш вам! Так что, братцы, я свою Америку уже открыл. А Ильич пусть себе другую ищет.

Боцман Сидор Савельев.

Понеже посланной бот со штурманом Дементьевым, которой послан на берег сего месяца 17 дня и по сие число не бывал, и чаятельно, что онаму боту зделали какое повреждение; того ради ехать тебе на берег, на то место, на малом ялботе и взять с собою плотника и канонирчика с их инструментами для починки бота. И когда прибудешь ты близ берега...

– Сидор, дорогой! Мы тебя уже заждались. Добро пожаловать в Русскую Америку! – хлопал по плечам старого друга канонир Зубов.

– И тебе, Гриша, не хворать. Куды орудию свою табельную дел?

– С пушкою, боцман, беда, – посетовал канонир, – ребята на самогонный аппарат разобрали.

– А благородия ихнего почто не видать?

– Так он из своего вигвама уже другой день не выходит. Разве токмо за брагою.

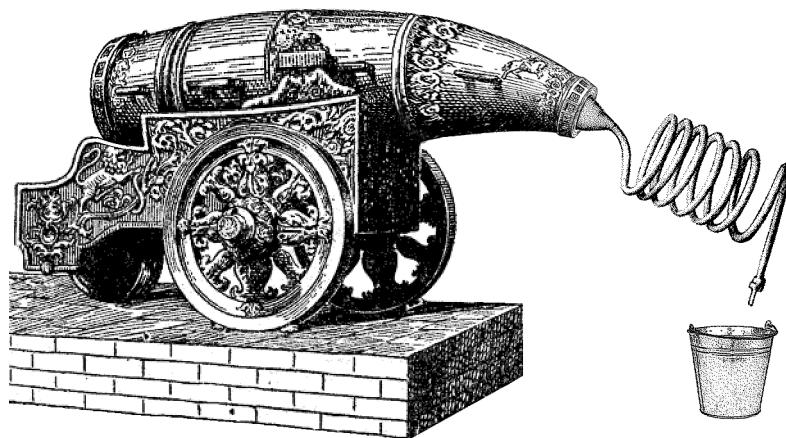
Из указанного вигвама доносились нетрезвые голоса:

«И тогда, мон амур, мадемузель Минисивиквэ, перекрывая грохот бури, я громовым голосом скомандовал: Спустить все паруса-а-а!»

«О-ох-хи-хи-хи! Экой вы, барин, баловни-и-и... Ик!»

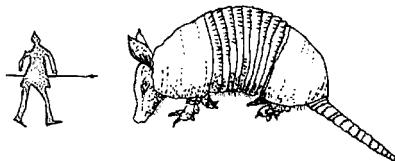
– А индейцы-то где? Нечто все на охоту отправились?

– Не-е, им сейчас не до охоты. Вона, на берегу возятся. Мы их баню строить приставили. А то у них тут и попариться с дороги негде. Одно слово – дикари!

Вабо-Гиниу и Наганиганэби отчаянно гребли на утлом каяке прямо в море, невзирая на ветер и жестокую волну. Подойдя к огромной двухмачтовой пироге пришельцев, они подали понятный всем цивилизованным народам голосовой сигнал бедствия «Агай!», для пущей убедительности повторив его дважды, что означало самую крайнюю нужду... Но ошеломлённые зловеще-непонятной реакцией трёх десятков здоровенных мужиков, отважные индейские воины, в одиночку выходившие против девятипоясного броненосца, ударились в панику и поспешно ретировались, похоронив последнюю надежду на избавление от Демонов Огненной Воды.

...Будучи в таком расстоянии, встали на ноги и кричали по два раза «агай, агай» и машали руками, и тот час повернули и погребли к берегу, а я тогда приказал машать белыми платками и кланяться, чтобы они к нашему судну подбехали, что и чинено от многих служителей, токмо оные несмотря на то скоро погребли к берегу, а гнатца за ними было неможно...

– И что ж ты, Сидор, дальше делать собираешься? – спросил у бывшего боцмана бывший штурман и хитро прищурился.

Они сидели за неторопливой беседой в Вигваме Совета, потягивая разукрашенные Трубки Мира, обнаруженные среди раскиданного по углам индейского барахла. На почётном месте, в самом центре изрядного помещения, успокоительно урчал Самогонный Аппарат.

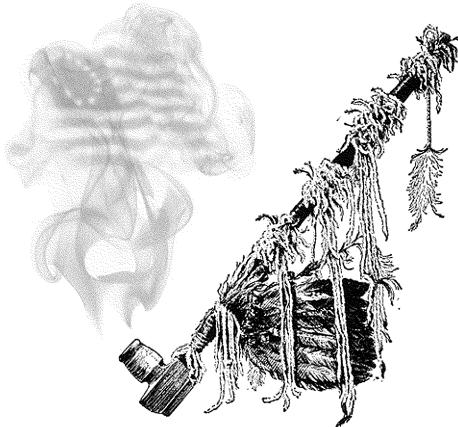
– Как что? – удивился Савельев. – Высоких светлокожих людей плодить, чтобы будущим профессорам не скучно было.

– С этим ребята и без нас справятся. А я вот по весне на юг собираюсь. В цивилизацию. Детройт, Нью-Йорк, Филадельфия. Бесправные колонии, страдающие под тяжким гнётом английского абсолютизма. Необходимо поднять там знамя борьбы за свободу, – взгляд будущего революционера в задумчивости остановился на подстеленном под приёмную склянку пёстром индейском одеяле в красно-белую полоску и с синим квадратом в углу, – ну, и поразвлечься при этом можно. Хотя бы чайку в Бостоне попить. Поехали со мной!

– Надобно подумать.

Они надолго умолкли...

– А табачок у нехристей всё же хорош! – одобрительно заметил Дементьев, метко набросив кольцо дыма на рукоять вычурного парадного томагавка, приспособленного держать змеевик.

Шаман Биндигэ-Гижиг возвращался в Срединную землю. Тело его лежало на ровной скальной плите у самой кромки воды. В незапамятное время на этой скале было кем-то выбито таинственное изображение, смысл которого тщетно пытались постичь многие поколения лучших тлинкитских умов. И только вчера в промытых огненной водой мозгах шамана вековая тайна нашла наконец свою разгадку. Упитанный полумесяц с косыми насечками посередине и двумя округлыми выростами на прямой стороне. Один рог кончается маленькой квадратной нашлёpkой, другой – здоровенной, торчащей вперёд палкой. Что же это, как не европейское двухмачтовое судно с отчётливо выдвинутым бушпритом! Надо ли объяснять, почему торжественное воскресное камлание было решено провести именно здесь?

Возвращение Биндигэ-Гижига было трудным. Гремучая смесь из алкоголя с мухоморами унесла его в Верхний мир так далеко, как он ещё никогда не залетал. Всё племя, слегка пошатываясь, плотным кольцом обступило заветную скалу в ожидании чуда.

– Слушайте, дети мои! – ещё не вполне членораздельным голосом промямлил шаман, торопясь открыть своему народу истину.

Пролетал мой дух свободный
Над седой равниной моря,
Гордо реял между молний,
Точно пингвин быстрокрылый,
Оглашая поднебесье
Криком громким и протяжным,
Оглашая поднебесье
Лишь одним вопросом трудным:

Кто они, все эти люди,
Что пришли к нам из-за моря,
Будто там у них, за морем,
Больше некуда поехать,
Кроме как в залив Таканис,
Что на острове Якоби?

И ответил мне печально
Гитчи Манито могучий:
Эти люди – как Дагинда,
Перелётная Дагинда,
Прилетели к нам кормиться
Из полночных стран Вабассо.
Там у них, в пустыне снежной,
В царстве северного ветра,
Неуклонно, непрестанно
Правит злой Кабибонокка.
Даже если так случится,
Что помрёт Кабибонокка,
Там тотчас ему на смену
Двое новых выступают,
Что один другого злее.

Потому-то эти люди
К нам кормиться прилетают,
Что у них, в kraю голодном,
Всё сожрал Кабибонокка.
И таких людей всё больше
Будет ехать год от года.
Их в грядущие столетья
Назовут –

NEVOZVRASHCHENTSY

